

МОСКОВСКАЯ СТАРИНА

к 200-летию победы в Отечественной войне 1812 года

ПАМЯТЬ НА ВЕКА

Здесь каждый камень историей дышит...

Берта БУХАРИНА

По разным данным, во время французского нашествия в 1812 году в Москве сгорело более 6 тысяч зданий, примерно две трети. В городе очень много мест, связанных с событиями Отечественной войны, духотлетие которой мы будем отмечать в будущем году. Благодаря историкам, архитекторам, реставраторам сегодня известны многие исторические факты, ведь каждое здание, как и человек, умеет хранить память.

Долгое время яркой приметой одного из центральных районов Москвы был Сухаревский рынок, или Сухарева. Он появился в 1812 году, после изгнания французов. Возвратившись в сгоревший город, москвичи пытались разыскать свое брошенное или разграбленное имущество. В это время вышел указ генерал-губернатора Растопчина о том, что «все вещи, откуда бы они взяты ни были, являются неотъемлемой собственностью того, кто в данный момент ими владеет». Вещи разрешалось свободно продавать, но только на площади у Сухаревой башни и только раз в неделю, по воскресеньям. После выхода указа Сухарева стала местом сбыта краденых вещей. На площади, на земле лежали горы одежды, мебель, посуда, книги...

В 1810 году рядом с Сухаревой башней был открыт выдающийся памятник московского классицизма - бывший шереметевский Странноприимный дом - одно из первых муниципальных благотворительных заведений Москвы. «Это был памятник любви графа Николая Петровича Шереметева и актрисы Парашии Жемчуговой, преданности ее друга, выдающегося архитектора Джакомо Кваренги, и таланта русских крепостных зодчих, - рассказывает архитектор, знаток истории русской архитектуры Владимир Александрович Резвин. - Как предсмертный наказ горячо любимой жены воспринял Николай Петрович ее желание построить в Москве больницу и богадельню для немущих. Так возник «Странноприимный дом графа Шереметева на Сухаревской Садовой».

Возводить его начали в 1792 году. Задумав превратить дом в мемориальное сооружение, граф Шереметев приглашает знаменитого придворного зодчего Джакомо Кваренги. И тот превращает наполовину построенное богоугодное заведение в архитектурное сооружение, достойное памяти любимой супруги графа и великой актрисы.

В 1812-м, уже через два года после открытия, в доме разместились раненые в Бородинском сражении русские офицеры. Во время великого пожара Странноприимный дом, или Шереметевская больница, пострадал мало. Сегодня здесь располагается Научно-исследовательский институт скорой помощи имени Н. В. Склифосовского. Реконструкция и реставрация этого дома недавно завершена. Появился подземный переход через площадь, который удобно связал больницу с метро.

«В феврале 1813 года указом Сената была образована «комиссия для строения в Москве». Это была уникальная организация, спасшая город от стихийной застройки, - рассказывает В. А. Резвин. - Вся Москва разбилась на четыре строительных участка и во главе каждого стоял архитектор. Бове был принят на работу и руководил восстановлением участка, куда входил центр города - Китай-

город, Тверская, Арбатская, Пресненская и Новинская части... Особое внимание уделялось строительству общественных и административных зданий и решению их фасадов. Ответственным по «фасадической части» стал Осип Бове. Он фактически становится главным архитектором Москвы, занимается восстановлением взорванных стен и башен Кремля и Китай-города, застройкой центральных площадей, а затем Манежем».

Осипу Бове мы обязаны и рождением Театральной площади. После пожара 1812 года и изгнания Наполеона в городе наступил строительный бум, так как две трети московских домов погибли. Проекты застройки центра были выполнены вначале архитектором Василием Гесте, а затем Осипом Бове, проект которого был одобрен. В нем как раз было разработано общепланировочное решение центра города.

В сентябре 1812 года во время московского пожара, Наполеон провел несколько дней в Петровском дворце, который сильно пострадал от огня. Полностью сгорел главный дом. Почти двадцать лет продолжался ремонт его по проекту архитектора Ивана Таманского. При советской власти Петровский дворец был передан в ведение воздушного флота. В 1923 году помещения заняла Военно-воздушная академия имени Н. Е. Жуковского, а дворец переименовали во Дворец Красной авиации. Были произведены многочисленные перестройки, а наружный декор утрачен процентов на восемьдесят. Уже в XXI веке выполнена реконструкция и реставрация Петровского дворца, ставшего Домом приемов правительства Москвы.

В 1808 году по проекту малоизвестного тогда молодого зодчего Карла Росси на Арбатской площади был возведен горячо любимый москвичами публичный Арбатский театр. Он стоял в конце Гоголевского бульвара, где установлен сейчас памятник писателю Николаю Гоголю. Пространство перед театром выровняли, замостили, так появилась Арбатская площадь. Но театр был деревянный и во время пожара 1812 года он сгорел, а вот зодчего, его построившего, тут же пригласили в Петербург.

Во время французского нашествия Каретный ряд был подожжен самими каретниками, делавшими здесь телеги и кареты. Район выгорел полностью, но вскоре возродился. С тех времен сохранился, например, дом 6 с большими арочными окнами. У самых Петровских ворот стоит величественное здание бывшей Ново-Екатерининской больницы, а прежде это был дворец князя Суворова. В находившемся здесь Английском клубе в 1806 году московское дворянство чествовало героя Шенграбенского сражения Багратиона. Во время оккупации Москвы в здании размещался главный интендант французской армии со своим штабом. Дворец сгорел и был восстановлен только в 1826 году по проекту Осипа Ивановича Бове.

Окончание на 2-й стр.

ГЕРОИ ПОБЕДЫ

Рыцарь Москвы и России

«Я не поэт, я - партизан, казак. / Я иногда бывал на Пинде, но наскоком, / И беззаботно, кое-как, / Раскидывал перед Кастальским током / Мой независимый бивак. / Нет, не назиднику пристало / Петь, в креслах развалив, лень, негу и покой... / Пусть грянет Русь военной грозой! / Я в этой песне запевало!»
Денис Давыдов.

Ему исполнилось 28 лет, когда грянула боевая страда 1812 года. К тому времени Денис Васильевич Давыдов - это воин-мастер, опаленный пламенем многих боев, испытанный в бешеных вихрях кавалерийских атак. Окруженный преданными друзьями, искрящийся энергией и обаянием, он был признанным заводилой шумных пиршеств, где блистал остроумием и незаурядным поэтическим дарованием. О его жизни ходили легенды, большинство из которых были чистой фантазией.

Начавший в 1801 году службу в рядах петербургских кавалергардов, он вскоре вынужден был поменять привилегированную часть на гусарский полк в Киевской губернии. Выпихнули молодого офицера из северной столицы его разозлившись начальники. Этим угрюмым и пугливым служакам не пришлось по вкусу ирония басен и колкие стишата смельчака-пиита. Но вот в чем никак не отцы-скалозубы его не могли отрицать, так это в благородстве помыслов, в бесстрашном влечении к воинскому успеху. Денис Давыдов словно создан был для преодоления любых препятствий и опасностей. Он чувствовал себя обязанным непременно отражать всевозможные наскоки на интересы Отечества, каждое посягательство на его державную мощь!

Где появлялась угроза - там оказывался и Денис Давыдов. Сам он потом замечательно сказал: «Мир и спокойствие - и о Давыдове нет слуха, его как бы нет на свете; но поведет войною - и он уже тут, торчит среди битвы, как казачья пика».

В военных кругах и при царском дворе уже в пору молодости Дениса Васильевича были слышаны о его отважности и лихорадке, к казачеству и солдафонству. Нет, он не был карбонарием в мундире. Однако в его понятие о дворянской чести и долге никогда не входило смирение перед теми, кто угнетал человеческое достоинство и рыно набивал свои карманы. Свою правоту и

начально был прав - партизанское движение способно обратить «войсковую» войну в народную!

Думал ли он в те жаркие дни о себе, о самосохранении? Не больше чем прежде. Но вот о чем он стал задумываться чаще, так это о сбережении памяти о днях изгнания захватчиков с русской земли. Беглые заметки о боевых операциях, о замысловатых маршрутах движения его орлов, о редкостных по накалу боевых столкновениях с врагом Денисов про себя называл своим партизанским дневником. Желание превратить потом свои писания в книгу просвечивает в его письмах к друзьям. В конце концов это желание осуществилось. После выхода в свет его сочинения «Опыт теории партизанского действия» (1821) и других военно-исторических работ публика увидела и замечательный томик «Дневника партизанских действий». Правда, полное издание его состоялось после смерти автора.

Не очень-то упорядочивая свой архив, Д. В. Давыдов, видимо, нечаянно потерял часть своих записей. Уже в недавнюю пору трудолюбивые архивисты стали обнаруживать некоторые из них и обрадовались. Оказывается, партизанский дневник должен был включать в себя и события 1812 - 1814 годов! Позвело «откопать» фрагменты описания похода во Францию, на котором стояла собственноручно отмечена автором «Кампания за Рейном». Рукопись была, судя по всему, написана с ходу, что называется «в запале», о чем говорит дата «1814 года 16 апреля, г. Париж».

А кому как не Давыдову, познавшему на себе тяготы войны в условиях любых непогод, в том числе в пору жестоких стуж, следовало сказать свое солдатское слово по поводу появившихся в Европе искаженные оценки русской победы над Наполеоном? Некие «знатоки» утверждали, что, не будь сильных холодов, армии нашествия выполнили бы свою задачу, поставили бы Россию на колени. Работа Дениса Васильевича под названием «Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?» давала достойный ответ заданным «открывателям» истин. Причем первый! Как тут не отметить: а ведь живучи изобретатели этих анти-

русских версий! И про 1941 - 1942 годы они пишут в таком же духе. Понине сдается им, что виной поражения под Москвой был «Генерал Мороз», а не народ, сражавшийся за Родину. Конечно, Денис Васильевич не мог предположить, что так долго будет многозначителен его скромный труд, ради которого он оторвался от своего любимого занятия - сочинения стихов...

Они восхитили его современников чрезвычайно. Секрет стихотворных произведений Дениса Давыдова - явление особое, требующее углубленного изучения. Можно сказать, что это «гусарская лирика» - и все. Но ведь стихи Давыдова удивляли изначально даже суперзнатоков литературы. В. Г. Белинский в изумлении восклицал: «Нельзя довольно надивиться, как хорошо стих у Давыдова...» В эпоху живописи Пушкина и мощной плеяды близких к нему поэтов России удивить кого-либо стихотворными рассказами о гусарах, о красноречивом эмоциональном сопровождении их битвы, смелыми штрихами, поднимающими фигуры честных рубак, хоть и презирающих светское лицемерие и явно свободомыслящих, было не так-то легко. Но автор стихов был необычайно широкой и глубокой натурой, мастером словесной живописи. Расцветая в своих стихах собственный характер, лирику людских взаимоотношений и патристический пафос 1812 года, Давыдов добивался поразительного эффекта - образы его поэзии прочно укоренились в русской жизни, в русской эстетике, поскольку за ними стояла именно «русская душа - широкая, свежая, могучая, раскидистая», - как это видел молодой В. Г. Белинский.

Давыдов - человек-легенда и выдающаяся фигура на небосклоне культуры - был очень популярен в Москве. Здесь у него была масса друзей: бывший командир князь Б. А. Черветчинский, Н. М. Карамзин, Ф. И. Толстой, П. А. Вяземский, директор императорских театров А. А. Майков и многие другие. Вернувшись после отставки в родной город в 1823 году, Давыдов жил на Масницкой улице, 45 (1823 - 1824, дом С. Н. Бегичева, там он познакомился с другом хозяина А. С. Грибоедовым).

Окончание на 2-й стр.

ПАМЯТЬ

«Бог рати он»

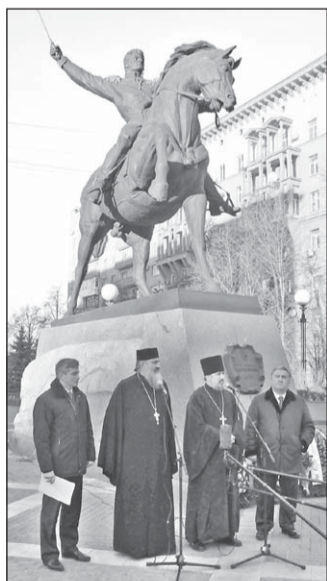
Нина БАТАЛОВА

Так произносили современники фамилию Петра Ивановича Багратиона, полководца, снискавшего легендарную славу на полях сражений. Великое будущее ему сулил Александр Суворов, имя которого для Багратиона было священным. Дань его полководческому таланту воздавал и Наполеон.

В Бородинском сражении французские войска безуспешно атаковали укрепления, которые защищали полки, возглавляемые Багратионом. Шервардинский редут, флеш, получившие название Багратионовых, они смогли взять, только когда с высоты ушел последний русский солдат. А сам Багратион, будучи тяжело раненным, писал, что готов пожертвовать «и последнюю каплю моей крови на защите Отечества».

Барельеф Багратиона, чьей родной была Грузия, увековечен на памятнике «1000-летию России» среди выдающихся личностей, принесших славу Отечеству.

Имя полководца увековечено в нашем городе в названиях улиц, архитектурных сооружениях. В 1999 году на Кутузовском проспекте установлен памятник по проекту выдающегося грузинского скульптора Мерабашвили. В преддверии празднования 200-летия победы над Наполеоном Депар-

таментом культурного наследия памятник недавно отреставрирован. По поручению патриарха всея Грузии Илии II представители грузинской церкви провели обряд его освящения. Церемония состоялась в день памяти Святого Георгия, почитаемого в Грузии и являющегося покровителем Москвы.

«Символично, - говорил в приветствии мэра Москвы Сергея Собянина в адрес Илии II, - что святой Георгий, который особо почитается в Грузии, является также небесным покровителем Москвы... Хотел бы поздравить Вас, Ваше святейшество, духовенство и прихожан Грузинской православной церкви с этим великим праздником, пожелать мира и любви».

МЕДИЦИНСКАЯ СЛУЖБА

1812 год: битва врачей

Роль «подвижных госпиталей» и «дренажная» система в связи с изменившимся характером войны стала очевидной необходимостью создания новой, более сложной организации управления войсками, в том числе и медицинской службой. Такая организация была создана в ходе подготовки к войне с наполеоновской Францией.

Не последнюю роль в решении военными медиками своей профессиональной задачи сыграло то обстоятельство, что в 1812 г. была в основном сформирована военно-санитарная организация русской армии. Ее основы были заложены в утвержденном 27 января 1812 года «Учреждении для управления большой действующей армией», подготовленном специально для конференции во главе с военным министром Барклаем-де-Толли. Согласно «Учреждению...», органом по управлению армией и ее хозяйством должен был служить полевой штаб армии, в ведение которого, в частности, входило устройство обозов, движение транспортов и госпиталей.

Важными составляющими частями «Учреждения...» явились «Положение о временных военных госпиталях при большой действующей армии» и «Положение о развозочных и подвижных госпиталях армии». Суть этих положений можно свести к следующему: 1) в составе армии учреждалась развоз-

очная и подвижная госпиталь, а в тылу армии - главные временные госпитали; 2) снабжение лекарствами и медицинскими припасами - централизованное: Петербургский аптечный магазин - армейские запасные аптекарские магазины - полковые аптеки; 3) непосредственно вблизи места сражения, в укрытиях и складах местности, развертывались полковые перевязочные пункты. Каждый такой пункт был оснащен перевязочными материалами, хирургическими инструментами и обеспечивался медикаментами из полковой аптечной фуры. За перевязочными пунктами следовала линия развозочных госпиталей, предназначенных для оказания первой помощи (обработка ран, операции, перевязки, иммобилизация). Места для развозочных госпиталей определялись главнокомандующим в день сражения за линиями армий. То есть раненого как бы передавали с рук на руки, оказывая помощь, и если раны его были достаточно серьезны, то в результате он оказывался в одном из главных военно-временных госпиталей, которые развертывались в соседних губерниях, не затронутых непосредственно военными действиями. Причем интересно, что главнокомандующий не только лично выбирал места для размещения госпиталей, но и лично входил в такие детали, как вместимость фур, на которых везли раненых, осмотрев присланные фуры,

приказав сбросить с них кузова и стлать помосты для шести и более раненых.

Конечно, медицинское обеспечение раненых и больных в тех условиях было совершенно различным в зависимости от классовой принадлежности пострадавшего. Титулованные генералы и офицеры эвакуировались, например, в собственных каретах в сопровождении врачей, а простые солдаты перевозились на телегах по 5 - 6 человек. Целью караванов таких телег иногда не имели ни одного врача. Но зато не было и брошенных. Помощь оказывалась всем.

Во главе медицинской части госпиталей стояли наиболее опытные военные медики - преимущественно дивизионные врачи, которых во французской и других иностранных армиях вообще не было.

«Положение о развозочных и подвижных госпиталях армии» было утверждено Барклаем-де-Толли 27 июня 1812 г., за несколько дней до сражения под Смоленском. Интересная деталь: главный медицинский инспектор армии Я. В. Виллие, которому приписывали все достижения по линии медицинского обеспечения русской армии, был принципиальным противником развозочных госпиталей, считая их совершенно лишними и ненужными. На самом деле развозочные и подвижные госпитали сыграли весьма положительную роль в Отечественной войне 1812 г.

Окончание на 2-й стр.

Здание института имени Склифосовского.

ГЕРОИ ПОБЕДЫ

Рыцарь Москвы и России

Начало на 1-й стр.

В 1824 - 1825 годах его пристанищем был одноэтажный деревянный дом в Трубниковском переулке, 26, переживший московский пожар 1812 года, в 1826-м - дом на углу Арбата и Старокошюшенного переулка, в купленном затем двухэтажном доме в Большом Знаменском переулке, 17, семья Давыдова жила до 1830 года. Потом последовало житье-бытие в Спасовском переулке, 5, и на Смоленском бульваре, 3, до 1835 года, когда Д. В. Давыдов приобрел дом-дворец Бибииковых на Пречистенке, 17. Это единственное уцелевшее до наших дней здание, непосредственно связанное с именем поэта-партизана, о чем свидетельствует мемориальная доска на фасаде.

Встречи с друзьями в Москве были важной частью его жизни. География

этих встреч была обширна. Сколько раз звучали на них комплименты его «неподражаемо слогу» «пылкости стиха», как щедро подчеркивал поэт Н. М. Языков «достопамятно-живого, упоительного, кипучего, воинственно-летучего и разгульно-удалого».

Когда в Москву приезжал А. С. Пушкин, он звал Денисова к себе в гостилицу «Англия» в Плинищевском переулке. Вместе доводилось им бывать в Английском клубе, в гостях у Е. А. Баратынского, П. А. Вяземского, Пушкин считал стиль Давыдова весьма оригинальным, считал его в качестве бессорного образца, не позволявшего ему не впасть в грех подражания В. А. Жуковскому и К. Н. Батюшкову - мэтрам тогдашней поэзии. Примечательно, что в великольном экспромте-автографе на подаренной «Истории Пугачевского бунта» Александр Сергеевич называет Дениса Давыдова «отцом и командиром». Несомненно, тому особенно были по душе пер-

вые строки авторской надписи: «Тебе певцу, тебе герою!». Да и последние были тоже очень ценны: «Вот мой Пугач, при первом взгляде/ Он виден - плут, казак прямой/ В передовом моем отряде/ Урядник был бы он такой». Когда Пушкин решил в 1831 году расстаться со своей холостяцкой жизнью, он приглашал на «мальчишник» Дениса Давыдова, который уже точно украсил эту бесшабашную сходку друзей, ведь такой «буйной и умной головы», по признанию А. С. Грибоедова, даже в Петербурге было не сыскать.

В северную столицу Денис Васильевич наезжал нечасто, но и там встреч с писателями круга Пушкина были его прерывистой приятной обязанностью. «...Вечер провел у Жуковского, у которого собираются каждую субботу его приятели и литераторы. Там я нашел Крылова, Плетнева, Пушкина, Вяземского, Телякова...» - пишет он жене 25 января 1836 года. На следующий день он представлялся царю Николаю I, осматривал Эрмитаж и даже успел послушать Н. В. Гоголя, «читавшего свою бесподобную и чудесную комедию «Ревизор», и попозировать для своего портрета во весь рост художнику Г. Г. Чернецову. Он поощрил оперу, восхитился «Жизнью за царя» М. И. Глинки Пораженный смертью А. С. Пушкина от ранен-

ия на дуэли, Давыдов писал Вяземскому: «Пройдя сквозь весь пыл наполеоновских и других войн, многим подобно рода смертям я был бы виновником и свидетелем, но ни одна не потрясла душу мою, подобно смерти Пушкина...»

Денис Васильевич пережил А. С. Пушкина на два года. Он умер в своем имении Верхняя Маза Симбирской губернии. Похоронили его, как он и хотел, в его родной Москве - на кладбище Новодевичьего монастыря.

В столетие Бородинского сражения имя Дениса Давыдова было увековечено в названии 12-го гусарского Ахтырского полка. Хоть и минули более 170 лет со дня кончины этого удивительного человека, память о нем живет. Издаются его сочинения, о чем пишут историки и литературоведы. В знаменитых московских Филых есть с 1961 года улица Дениса Давыдова.

Николай МИТРОФАНОВ, кандидат исторических наук.

Эпопея Василия Верещагина

Продолжаем рассказ о не имеющей в мировом искусстве аналогов по исторической точности, широте обобщения и документальной обоснованности художественной эпопеи Василия Верещагина.

«Поджигатели. Расстрел в Кремле»

Хотя Наполеон, вступив в Москву, назначил генерала Дюпоналя комендантом города с указанием навести порядок, никакого порядка, даже «купальничного», там не было и быть не могло. Вместо обещанных теплых квартир, хорошего довольствия и подобоостраия победленных были дымящиеся развалины города, нехватка еды и, наконец, наступающие лютые холода. Как явствует из французских источников, некоторые предприимчивые «вожки», в основном гвардейцы - любимцы императора, обустраивали на улицах лавочки, где продавали своим же коллегам награбленное добро. Остальная же часть армии, голодная, замерзшая и разочарованная, вымещала зло-

бу на населении. По приказу Наполеона были созданы военно-полевые суды для расправы с «поджигателями». По городу началась охота за людьми. Достаточно было какому-нибудь несчастному мужику, лишившемуся жилища и имущества, оказаться поблизости от дымящихся домов, как его хватили, допрашивали на незнакомом ему языке и расстреливали.

Подобный сюжет есть у Гойи, но там много испанской страсти: луж крови, отчаянных жестов. Верещагин под черкнуто документален: два ряда гвардейцев, вскинувших ружья, несчастные русские мужики, поставленные к монастырской стене, трусы расстрелянных, дым от преддверного залпа. Палачи лишены лиц, это бесчувственные орудия убийства. Единственная деталь, абсолютно реальная и совершенно символическая, говорит об отношении художника к изображаемому: скорбные лица святых, взвизгивающих в монастырских стенах на зверскую расправу, - знак того, что небеса переполнены гневом и возмездие грядет.

«Наполеон и маршал Лористон - Мир во что бы то ни стало»

Во время как французская армия маялась в сожженной Москве, русские войска расположились в лагере при Тарутине в Калужской губернии (166 верст от Москвы). Кутузов решил спокойно оставаться и ждать,

что «французская армия развалится сама собой». Так и случилось. Продовольствие в городе закончилось, его везли из Смоленска. Но к этому времени набрала силу партизанская и народная война. Отряды Сеславина, Фигнера, Давыдова нападали на обозы, уничтожали конвой, а продовольствие, естественно, забирали. Где

не поспедали партизаны, действовали вооруженные крестьяне. В Москве начался голод: французы ели лошадей, кошек, ворон...

Наполеон беспрестанно посылал в Париж сообщения о своих «победах», но уже понимал, что крах близится. Расчеты на то, что после захвата Москвы император Александр запросит мира, не оправдались. Наконец гордыня Наполеона была сломлена, он решил первым начать мирные переговоры. Он призвал маршала Лористона, вручил ему письмо с полномочиями вести переговоры и отправил к Кутузову со словами: «Я хочу мира,

слышите, дайте мне его во что бы то ни стало! Только честь как-нибудь спасите!». Кутузов принял Лористона в Тарутине (за что позже получил выговор от Александра), но на все предложения о мире ответил резким отказом.

Это полотно, пожалуй, наиболее драматичное в цикле. Павший духом, стыдящийся сам себя Наполеон, поникший головой маршал, пришедший слышать из уст своего императора только слова победы и знающий заранее о провале своей миссии... Часы истории начали свой роковой отсчет.

Олег ТОРЧИНСКИЙ.

СВИДЕТЕЛЬСТВА

Богохульство неприятеля

Проходя однажды мимо церкви, из ее расворенных дверей увидел я выходящий густой дым и стоявшего на паперти неприятеля, курившего табак, одетого по-домашнему: в колпаке, без галстука, с накиннутой небрежно на плечи шинелью. Он, заметив меня, поманил к себе. Я встал в тулук, не зная, на что решиться: дать ли тягу или подойти к зовущему. Если я побегу в палатку, думаю, я, то открою место нашего жительства, если навострю лыжи в противоположную сторону, могу попасть под ноши. Решился я лучше с низким поклоном подойти к неприятелю. И сказал ему:

— Камрад! Добре!
Он ласково потрелял меня по плечу, отвечал также:

— Камрад! Добре!
И после лаконичных объяснений и пантомим камрад взял под руку Русь и повел внутрь церкви.

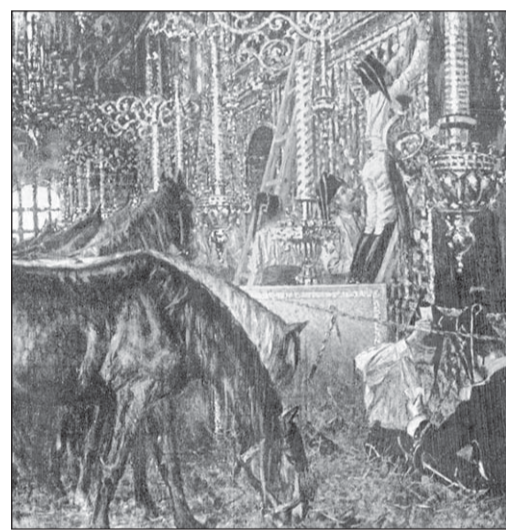
Войдя в трапезную, наполненную дымом, я, трепещущий от страха, везде видел следы грабежа, буйства и богохульства. Посередине храма пылал костер - вместо дров на осколках святых икон. Над огнем лежал на установленном камнях железный лист, на котором лежал картофель. Церковный постоялец, дав мне их несколько, сказал:

— Русь! Добре!
Я отблагодарил поклоном.

После сего он, желая, может быть, похвалиться своим домашним хозяйством, указывал на клиросы, на коих были навалены ржаные и овсяные снопы. Тут же находились разные овощи: картофель, капуста и прочее. На вбитых в иконостас гвоздях висели конская сбруя и военная амуниция.

Радушный хозяин отворил Царские врата в правом церковном приделе и ввел меня в алтарь, где увидел я стоящую лошадь, раскрытую вместо попоны священнической рясы. Я окаменел от такого богохульства и не мог сдвинуться с места. Безбожник, сочтя мое изумление за знак удивления к красоте его лошади, начал ее поглаживать, приговаривая:

1 Встретившихся на московских улицах русских французы часто использовали как носителей фракоза, для переноски награбленного добра.

варивая: «Добре! Добре!» Налюбовавшись конем, повел он меня в левый придел. И там также стояла лошадь в алтаре, евшая овес из купели, в которой крестили новорожденных. Желая поскорее отделаться от изверга, я начал кланяться и пятиться назад к двери. И таким образом выйдя из церкви, не оглядываясь, убежал в палатку.

Зволнованный духом, усевшись в темный угол, я не мог запретить себе рассуждать о богохульстве неприятеля. Неужели западные народы, освещенные учением Евангелия, но так же, как и они, исповедуют христианскую веру и имеют храмы во славу Всемогущего Бога для приношения молитв, в которых совершается бескровная жертва в воспоминание страданий и крестной за нас смерти Иисуса Христа?.. Неужели война принуждает отвергать религию и делать христиан боготолпами-извергами?.. Неужели между враждующими истребляется всякая мысль о благочестии к вере и заменяется богохульством?.. Находясь в сих размышлениях, что бы видимым бесчинством не возмутить души своей, я поклонился не входяще более при неприятелях ни в одну церковь.

А. РЯЗАНОВ.

МАРОДЕРЫ

С тяжелым ранцем

Тотчас по выходе из Москвы я почувствовал, что мой ранец и сумка чересчур тяжелы. В ранце и сумке было порядочно всяких предметов: несколько фунтов сахара, полбутылки водки, костюм китайки из шелковой материи, затканной золотом и серебром, несколько серебряных и золотых безделушек, обломок креста Ивана Великого, то есть кусок покрывавшей его вышолоченной оболочки (мне дал его солдат из команды, наряженной для снятия креста с колокольни), женская амазонка, побитая зеленым бархатом, две серебряные картины длиной в один фут, несколько медалей, усыпанная бриллиантами звезда, распятие из серебра и золота, китайская ваза...

Сержант наполеоновской гвардии Бургонь.

ГРАБЕЖ

после исхода

Я иногда уходил из дома и бродил по соседним улицам. Раз встретился мне француз: он ехал верхом и каску держал в руке, а на голове у него кокошник. Едет, подбоченясь, во все стороны озирается, а сам смеется. Веселый народ, нечего сказать, да уж под конец-то им не до смеха пришлось.

Удалось мне увидеть, как они от нас уходили. Я стоял на Ильинке и вижу, что они поехали к Красной площади. Уж тут они не в кокошники нарядились для потехи, а навьючили на себя всякого тряпья. Кто в женском капоте или капоре, кто подвязал уши полотенцем, кто в поповской ризе, а у самого губы посинели от холода: у иного одна нога босая, а другая в сапоге. Если б не мои глупые годы, так сердце бы, кажется, сжалось над ними. Суматоха кипела на площади: тут и фуры, и пушки, и пешие, и конные. Крик, шум, что и не расскажешь. Долго я смотрел на них, а потом побежал домой и рассказал, что видел. Дед переключился и говорит: «Это они, должно быть, убираются от нас».

Лишь только они ушли, начали свои грабить - и те, что в городе оставались, да и соседние крестьяне явились на поживу. Целых три дня грабили нещадно. В Казенной палате оставалось множество мешков с медными деньгами, и многие тут поживились. С иных и взъясать нельзя было, ведь с голода умирать приходилось. Ходил и дед в Казенную палату и принес на 25 рублей медных денег. «А то, - говорит, - чем я вас кормить стану?» А другие безо всякой совести на все бросались. Да уж хоть бы брали, что могли, а не истребляли бы даром чуждого добра. Много его погибло без всякой пользы.

А. СЫСОВ.

1 Автору было в 1812 г. 11 лет.

ПАМЯТЬ НА ВЕКА

Здесь каждый камень историей дышит...

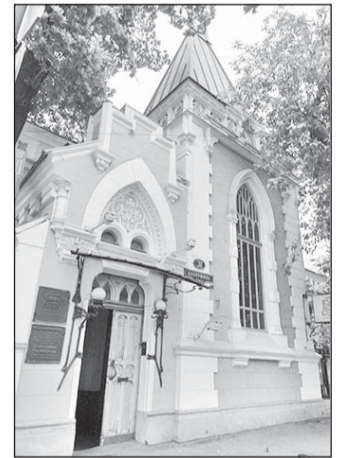
Больница на улице Достоевского.

Начало на 1-й стр.
На Каретный ряд выходит торцевой фасад этого памятника архитектуры.

В Отечественной войне 1812 года устоявал отец писателя Федора Достоевского - Михаил Андреевич, штаб-лекарь Московского военного округа. В 1821 году он поступил лекарем в Московскую больницу для бедных на Новой Божомке, ныне улица Достоевского. Клиника была под патронатом императрицы Марии Федоровны. Больничный ансамбль был построен Иваном Демьяновичем Жиларди и Андреем Алексеевичем Михайловым по проекту Джакомо Кваренги. Пожар

1812 года пощадил больницу, но, оказавшись, оставил в ее истории неизгладимый след. В сентябре французское командование, найдя больницу в полном порядке, выбросило на улицу оставшихся больных без всякого пропитания и превратило ее в военный госпиталь. В ограде больницы в это время собралось много народа, искавшего спасения от пожара, грабежей и насилия.

Главный лекарь больницы Опель докладывал попечительнице Марии Федоровне, что, согласно Женевской конвенции, врачи вынуждены лечить раненых французских солдат: «Генерал Нарбон осматривал также нашу боль-

Музей Бахрушина.

ницу и, восхваляя нас за труды наши, объявил нам, что он не примет от нас и о нашем о французских больных поплечении донести императору Наполеону и что нам непременно жалованье определено будет». Персонал больницы от французского жалования отказался.

Много памятных мест, связанных с войной 1812 года, на улице Пречистенке. Например, дом 17. Эту усадьбу у генерала Бибиикова купил герой Отечественной войны 1812 года, поэт-партизан, а затем генерал-лейтенант Денис Давыдов. Тогда-то в доме бывали Пушкин, Баратынский, Языков, Дмитриев. Сегодня этот особняк в частном

Пречистенка, 22. Дом Ермолова.

владении, и мемориальная доска с барельефом поэта исчезла с фасада. В доме 20 провел последние годы жизни и умер легендарный полководец 1812 года, генерал от инфантерии, командир Отдельного Кавказского корпуса и наместник на Кавказе Алексей Петрович Ермолов. Он дружил с Грибоедовым, Пушкиным, попал из-за этого в опалу и последние годы провел в Орле и Москве, где писал свои «Записки». Семья А. П. Ермолова принадлежала к зданию №22, где размещается Управление пожарной охраны. Пожарные находились в этом доме и раньше. Купив его после пожара у семьи Ермоловых,

власти города разместили в нем пожарное депо.

В конце XVIII века на бывшей Лужнецкой улице была построена городская усадьба, известная сейчас как Театральный музей имени А. А. Бахрушина. Она неоднократно меняла своих владельцев и горела во время пожара 1812 года, но была довольно быстро восстановлена. Интересно, что владелец особняка, основатель первого в мире театрального музея Алексей Александрович Бахрушин, увлекшись коллекционированием, сначала собирал раритеты Древнего Востока, а потом «все о Наполеоне I», и только позже он увлекся театром.

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:

Руководитель проекта - Александр Егорунин	Верстка - Ирина Некрасова
Шеф-редактор - Михаил Воыстрышев	Корректра - Ирина Некрасова
Выпускающий редактор - Арнольд Сидоров	Иллюстрации - Александр Акульшин
Макет - Оксана Мерзаликина	Телефон для связи - 8(499)259-10-15
	e-mail - egorunin@mospravda.ru

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке Департамента средств массовой информации и рекламы города Москвы. Распространяется бесплатно.